

ISSN 2312-3958

Научно-практический журнал

**ЗАКОН. ПРАВО.
ГОСУДАРСТВО.**

LEX.JUS.CIVITAS

ЗАКОН

LEX

ПРАВО

JUS

ГОСУДАРСТВО

CIVITAS

№ 3(15), 2017

КОНЕВИЧЕНКО И. Л.¹

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА КАЗАЧЕСТВА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация: Статья посвящена представлению и раскрытию содержания концептуальных основ зарождения, возрождения и совершенствования института казачества в российском государстве.

Ключевые слова: Концептуальные основы казачества, Россия, Российская Федерация, законодательная база функционирования, формирования, институт казачества.

Annotation: The article is devoted to the presentation and disclosure of the content of the conceptual foundations for the emergence, revival and improvement of the Cossack institution in the Russian state.

Keywords: Conceptual basis of the Cossacks, Russia, Russian Federation, legislative base of functioning, formations, Cossacks institute.

В истории казачества одним из наиболее проблематичных вопросов является вопрос этимологии термина «казак». Сложность проблемы начинается уже с определения сущности самого понятия «казак». В настоящее время существует множество этимологических трактовок этого слова, но большинство исследователей полагают, что его основа заимствована из тюркских языков.

В известном этимологическом словаре М. Фасмера говорится о том, что казагк, ближайшая этимология: Аг-, укр. Козагк, др.-русс. Козакъ «работник, батрак», впервые в грам. 1395 г. Из укр. заимств. польск. kozak «казак». Ударение в форме мн. ч. Казагки – результат влияния польско-укр. формы; оренб. казаки говорят: Казакиг; Заимств. из тур., крым.-тат., казах., кирг., тат., чагат. kazak «свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга». Сюда же Казагки мн., соврем. Казагхи – тюрк. народ¹. Таким образом, мы можем предположить, что термин «казак» является заимствованием из тюркских языков и означает у них «свободного, независимого (вольного) человека», что является неоспоримым доказательством «социолингвистического портрета современного казака»².

По мнению М. Крайсветного, предположение о тюркской принадлежности термина связано с мнением Матвея Меховецкого, который еще в начале XVI в. (1517 г.) писал, что «казак» – татарское слово, а «козак» – русское, означает холопа, подданного, бродягу. Они живут

¹ КОНЕВИЧЕНКО Игорь Леонидович – магистр юриспруденции, соискатель кафедры теории права и государства юридического факультета ГУАП.

добычей, никому не подчинены и ездят по обширным и пустынным степям..., ища, по их выражению, «кого пожрать». Впоследствии эта гипотеза была принята на веру и особо не рассматривалась. В своей статье «Адыгский этимон слова казак» М. Крайсветный также говорит о том, что все значения слова «казак» в тюркских и русских источниках есть отражение различных сторон жизнедеятельности членов казачьего общества. Они вторичны по отношению к основной сути. Военская доблесть, наездничество, наемничество являются лишь производными, а в основе лежит свободолюбие, стремление к политической свободе и независимости³.

В словаре В. Даля «казак» определяется как козак (вероятно, от среднеазиатского казмак – скитаться, бродить, как гайдук, гайдамака от гайда; ускок от ускочить, бежать; бродяга от бродить и пр.; киргизы сами себя зовут казак), войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении⁴. В Толковом словаре Ожегова «казак» определяется как член военно-земледельческой общины вольных поселенцев на окраинах государства.

В. И. Степанченко в Словнике «Говорим, гутарим, балакаем и применяем!..» определяет казаков как субэтническую группу русских⁵.

В настоящее время существует несколько этимологических версий термина «казак».

«Военный энциклопедический лексикон» предлагает в качестве первоначальной основы термина – «турско-татарское слово «Каз», что значит «гусь». Позднее Н. Богомоллов предлагает вариант происхождения слова «казак», от арабского чайсы – конь, или, что гораздо вернее, от куртинского хасп, что тоже конь». Он считает, что «казак есть вполне азиатская форма для названия конника», и что «в этимологическом смысле значит: свободородный, дворянин, а в юридическом: всадник, конник, конязь или князь». В исторических очерках «Столетие военного министерства» приводится целый ряд различных вариантов этимологии термина, где кроме тюркских упоминается и монгольский вариант «козах» – «защитник границы»⁶.

А. П. Ярков полагает, что происхождение термина «казак» связано с той посреднической ролью, которую играли казаки во взаимоотношениях Востока и Запада. Как полагает ученый, «казак», вполне возможно, слово тюркского происхождения, которое обозначает «удалец», «мятежник» и «разбойник»⁷. Однако, по словам Г. З. Байера, немецкого ученого на русской службе, казаки, как «храбрый и сильный народ» не могли происходить от «воров» и «разбойников», упоминаемых в документах XVI–XVII вв.⁸

Еще одна версия на происхождение слова «казак» предложена А. А. Исаковой, которая полагает, что наиболее интересным и близким по значению является этимологическая версия, взятая из тюркских языков, а именно: связь с гусем. Дикий белый гусь, лебедь – птица, которая прекрасно себя чувствует как на море, так и на суше. Дикий гусь отличается сильной волей к свободе, способностью к выживанию в самых неблагоприятных условиях, чем и характеризуются казаки. По ее мнению, именно это толкование термина наиболее отражает суть самого казачества как такового, его устоев и образа жизни, его непобедимость духа и свободолюбие⁹.

Согласимся, однако, что все приведенные нами определения носят достаточно узкий и привязанный к конкретным временным отрезкам характер. Полагаем, для того, чтобы глубже разобраться в сущности термина «казак», считаем необходимым рассмотреть основные концепции происхождения казачества. Вопросы происхождения казаков России, их предков, каналов формирования первых казачьих общностей, проблема единства происхождения казаков, формирования территории казачества до сих пор носят дискуссионный характер. В зависимости от занимаемой позиции, авторы придерживаются порой диаметрально противоположных взглядов, неодинаковой хронологии, используют различную географическую привязку событий.

В настоящее время выделяются две основные трактовки вопроса о происхождении казаков: это – гипотеза об их автохтонном, или коренном, происхождении и миграционно-колониационная теория зарождения казачества. Автохтонная гипотеза базируется на признании двух начал в формировании казачества – славянско-русского и тюркского. Придерживавшиеся первой трактовки В.Н. Татищев, А.И. Ригельман относили казачество к числу древнейших народов, а появление его связывают с Тмутараканским княжеством. По их мнению, оно существовало на Таманском полуострове в X–XII вв.¹⁰

В.Д. Сухоруков, Е.П. Савельев и Л.Н. Гумилев определяют Тмутараканскому княжеству более широкие географические рамки – Приазовье и западную часть Северного Кавказа¹¹. По разному оценивается и состав населения Тмутаракани. В одних случаях оно признается древнерусским, в других смешанным, и даже с преобладанием кочевников¹². Авторы полагают, что пестрый характер населения Тмутараканского княжества предопределил базу формирования казачества. В состав Тмутараканской периферии включается Кабарда, где уже в X в. якобы локализуются казаки.

Необходимо отметить, что сторонники такого рода версий, не располагая их прямыми документальными доказательствами, опираются преимущественно на косвенные свидетельства. Первое среди

них – наличие в донском говоре слов тюркского происхождения. На этой почве получил весьма многомерное толкование этимологический смысл самого слова «казак». В подтверждение этому термин «казаки» интерпретируется в выраженном социальном смысле, преимущественно в двух ипостасях: во-первых, как свободного воина, пограничника, во-вторых, как массы, оторвавшейся от социальной среды и состоявшей из разбойников, удальцов, наемников, бродяг, не имевших ни кола, ни двора, ни посево, ни скота.

Одним из направлений автохтонной гипотезы происхождения казачества является бродническая. Возникновение этого направления можно отнести к XVIII в.¹³ Н. М. Карамзин определял бродников как русских выходцев, проживавших на Дону и являвшихся прототипом казачества¹⁴. В XIX столетии, преимущественно с 80-х гг., бродническая теория получила интенсивное развитие. Тогда ее существенно дополнил профессор П. В. Голубовский. Он первым отождествил бродников с домонгольским (XI–XII вв.) славяноязычным населением степных мест Юга России¹⁵. Бродническая версия происхождения казачества прослеживается в трудах В. В. Мавродина и особенно Л. Н. Гумилева, которые размещают бродников на Дону, называя их донскими славянами, хазарами или некими русскими, проживавшими в XII в. среди половцев¹⁶. В последнее время бродническая версия обрела второе дыхание, в частности трудами Б. В. Овчинниковой. Бродническая версия происхождения казачества, безусловно, содержит ряд любопытных наблюдений, но в целом она, при всей ее привлекательности, недостаточно убедительна. Прежде всего, потому, что не имеет под собой веских доказательств. Аргументация преимущественно основана на косвенных свидетельствах, почерпнутых из вторых или даже третьих рук.

Что касается миграционно-колониационной теории формирования казачества, то она сводится к тому, что казачьими предками были свободолюбивые выходцы из Русского и Польско-Литовского государства, те, кто не мирился с усиливающейся феодальной кабалой. Накапливаясь на российском порубежье, эти беглецы «растеклись» по рекам – Днепру, Хопру, Дону, Волге, Тереку, Кубани, а потом и по водным магистралям Сибири, всего Востока и Средней Азии. Там они образовали известные вольные общины, а затем и соответствующие казачьи войска. Законченную форму эта теория получила в исследованиях С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Д.И. Иловайского.

В советское время эта теория получила самое широкое распространение и обрела роль непререкаемой истины, несмотря на то, что были попытки синтезировать автохтонную и миграционно-колониационную теории. Дальше всех в этом направлении шагнул Л.Н.

Гумилев, полагавший, что корни казаков через бродников уходили к православным хазарам.

Миграционная теория в этой части не лишена основания, но нуждается в уточнениях. Во-первых, пополнение двигалось не только из русско-славянских, но и из других районов (хотя главный поток, вероятно, направлялся из русско-славянских районов). На протяжении целых столетий автохтонные казачьи предки подвергались интенсивному обрусению и христианизации. Не исключено, что правители Русского государства держали двери на юг открытыми потому, что это была политика наиболее безболезненного присоединения новых территорий посредством постепенной и длительной ассимиляции малочисленных народностей, обитавших по периметру границ.

Во-вторых, к казакам бежали не только поборники свободы и православия, но и настоящие авантюристы, любители приключений, жаждавшие легкой наживы. Прозрачные границы и существовавшая веротерпимость способствовали свободному притоку людей. Локальная замкнутость создавала условия, для формирования новой общности. Таким образом, начало зарождения казачества относится, по всей вероятности, к рубежу XIII–XIV вв., а адекватный ответ на вопрос о происхождении казаков состоит не в выборе между различными версиями автохтонной и миграционно-колониационной теориями, но в их доброкачественном синтезе. Положительное решение проблемы происхождения казаков из одного корня позволило бы однозначно определить казачество как народ (этнос).

Однако, некоторые исследователи видят более древние корни казачества. Так, автор первой истории Войска Донского А. И. Попов говорил о происхождении казаков от амазонок. Ученый В. М. Пудавов утверждал, что донские казаки – потомки древних славян, несших сторожевую службу у хазар еще в VIII–X вв., а затем сохранявших в течение 600 лет свою веру, народность и боевой строй. Еще более древнее происхождение казаков видел исследователь казачества Е. П. Савельев. Он писал, что казаки в XII веке до Рождества Христова на 30 кораблях с берегов Дона, Днепра и Днестра ходили на защиту Трои, потом проникли в Италию, основали Рим и т. д.

Для системного анализа вопроса о происхождении казачества (казачьих), а стало быть, в определенной мере и их места в истории и в современной жизни, необходим разбор тех факторов, которые в совокупности позволяют отделить один народ (этнос) от другого и получили в науке название этнических определителей. Анализ различных версий происхождения казачьего имени, анализ языковой ситуации в казачьих землях, проведенный как в диахронии, так и синхронно в нескольких областях, антропологический анализ и оценка этниче-

ской самоидентификации казаков показывают не в пользу теории о происхождении казачества из одного «древнего и могучего» корня.

Серьезное разнообразие этнических признаков разных групп казаков, более быстрая, чем у соседей изменчивость этих признаков не позволяют сделать однозначного вывода о происхождении казаков из единого корня. Данный анализ позволяет сделать выводы о близости казаков с другими группами русских, которая могла сформироваться либо в результате общего происхождения, либо в результате незавершившейся ассимиляции.

Анализируя процесс формирования территории казачества, можно сделать вывод о совершенно определенной географической привязке казаков. Это нижнее и отчасти среднее течение рек Днепра, Дона, Терека, Волги и Ураза. История формирования казачьей территории уходит далеко в глубину веков. Группы населения, принявшие то или иное участие в образовании казачества обитали здесь как минимум с X–XI вв., а по некоторым данным – с VI в. н. э. Дальнейшее расширение ареала обитания казачества связано уже с общероссийским процессом колонизации окраин, в котором казаки принимали самое деятельное участие как по собственной воле, так и по велению государственной власти.

Необходимо признать, что процесс происхождения казачества имеет сложный характер. У истоков казачества в разной мере находились и группы местного, автохтонного населения Северного Причерноморья и Приазовья, и кочевые пришельцы средневековья, и массы беглецов из Московской и Литовской Руси, и державная воля Российской империи. История казачества зачастую представляется отдельными специалистами как крайне универсальный объект. Это совершенно не отвечает действительности и реальному положению дел. При исследовании традиционных территорий компактного проживания казачества, территорий казачьих войск мы сталкиваемся с тем, что развивались они исключительно по-разному. В каждой территории имелись своя специфика и свои особенности. Объяснение многих феноменов в истории казачества можно объяснить природным казачьим дуализмом, – важнейшим фактором поступательного развития данной этнической и социо-культурной общности. Именно казачий дуализм служит основой противоречий как внутри самой общности, так и в процессе установления взаимоотношений, взаимодействий ее с институтами гражданского общества и структурами власти. Именно из этого принципа необходимо исходить при объяснении роли казачества в исторических и социальных процессах. В истории казачества вплоть до настоящего времени оставалось и остается достаточно много «былых пятен». К ним могут быть от-

несены – предмет методологии исследований казачества, вопрос межэтнических связей и межнационального культурного взаимодействия казаков с иными нациями и этносами, так же конфессиональный вопрос самоидентификации казачества и многое другое.

Без сомнения, процесс складывания любой этнической группы имеет стадийный характер. Вопрос о выделении стадий этногенеза казаков связан с определением их исторических предшественников и предков. Ранняя история казачества, первые этапы его формирования – все это до сих пор предмет дискуссий. Однако, пожалуй, уже можно твердо сказать, что начало истории казачества следует искать гораздо ранее XVI в. Южно-русские лесостепи, степное Предкавказье, Приазовье и Северное Причерноморье – районы, ставшие колыбелью казачества, – никогда не пустовали. Беглецы из московских и литовских «украин» уходили не в пустое место, в степях их было, кому встретить. Общинное военно-демократическое самоуправление, устойчивый военно-разбойный и промысловый быт, особенности культуры казаков, по мнению А. В. Сопова, говорят о многовековой преемственности.

Выстраивание однозначной линии от далеких предшественников казаков к их прямым предкам невозможно. Во-первых потому, что это было бы упрощением, а во-вторых, – не соответствовало бы действительности. История формирования казачества слишком сложна, чтобы быть однозначной. Пожалуй, вплоть до XV в. речь может идти только о складывании своеобразного «предказачества» или «протоказачества».

Никаких серьезных оснований для выводов о существовании в более раннее время особого казачьего «народа», как прямых и единственных этнических предков современных казаков, у нас нет¹⁷.

Подтверждением этому является также анализ памятников права того периода, в которых нет прямого упоминания о существовании казачества в то время. Древнерусское право, как и всякое право, рождается вместе с Древнерусским государством. Это право было правом привилегий, т. е. закон сразу предусматривал, что равенства людей, принадлежавших к разным социальным группам, нет и быть не может. Так, например, холоп в «Русской Правде» практически не признавался человеком. Его дети приравнивались к приплоду скота. В краткой редакции «Русской Правды» выделяются категории лиц, нуждающиеся в особой защите князя. К ним относятся люди, вышедшие из общины, «купцы», «изгои», служащие князя, дружинники: «гридни» – младшие дружинники; «ябедники» – княжеские приказчики, тиуны, судебные должностные лица; «мечники» – княжеские дружинники, судебные служащие; «русины» – жители Киевской Руси; «словенины» – жители

Новгородской земли. Кроме этих категорий граждан, упоминаются «видоки» – свидетели, очевидцы (ст. 2, 10); «лечици» – лекари; «чады» – дети; «варяги» – жители Скандинавии (ст. 10, 11) («варягами» и «колбягами» в документах того времени называются иностранцы независимо от их национальной принадлежности); «челядь» – рабы (ст. 11); «поручники» – поручители или свидетели (ст. 14); «огнищанин» – старший дружинник, боярин (ст. 19); «подъездный» – сборщик различных поступлений в пользу князя (ст. 19); «тивунец» – домоуправитель, дворецкий (ст. 21); «кормилич» – воспитатель, дядька (ст. 27); «конюх старый» – конюший, старший конюх (ст. 23); «емец» – княжеский чиновник, поимщик (ст. 41).

В Пространной редакции «Русской Правды» этот список расширяется, и мы встречаем в нем такие категории лиц, как «головник» – убийца (ст. 35); «рядович» – крестьянин, феодально-зависимый от князя (ст. 5), ремесленник (ст. 15); «холоп-ремесленник» (ст. 38); «мытник» – чиновник, собиравший пошлины и следивший за правилами торговли (ст. 38); «чернец», «чернецкий» – принадлежащий к монахам, т. е. монастырю (ст. 46); «городник» – архитектор, руководитель строительства (ст. 97); «мостник» – руководитель строительства деревянных мостов (ст. 99); «метельник» – лицо, ведущее письменный учет (ст. 107); «сироты» – феодально-зависимые крестьяне (доп. ст.). Как видим, речи о казаках в этих законодательных документах не ведется. Исходя из этого, возникает вопрос: могли ли те, кто данные законы составляли, пропустить в тексте казаков, как свободную, не зависящую от князя, церкви и других членов общества категорию лиц? Полагаем, что в то время это было, по всей видимости, невозможно. Так, в ст. 110 «Русской Правды» О холопстве (Пространная редакция) устанавливаются три случая утраты личной свободы и перехода в состояние полного (обельного) холопства – это говорит о регламентации условий закрепощения со стороны власти, и о роли, которую играли в княжеском и боярском хозяйствах категории феодально-зависимого населения. Борьба шла за каждого работника. При помощи законов власть стремилась получить неограниченное право распоряжаться судьбами людей и наказывать их за стремление к социально-хозяйственной независимости. Законодатель стремился сохранить зависимость крестьян в любом случае, даже если это касалось мелких феодалов, занимавших холопские места в боярском и княжеском дворах (ст. 111). В связи с этим, по нашему мнению, ни о какой личной или коллективной свободе любой категории жителей Древнерусского государства нельзя вести и речи. Так, например, хозяин убежавшего холопа, согласно ст. 114, мог рассчитывать на помощь любого посадника в его поимке. А это уже свидетельство того,

что государственная власть принимает участие в розыске и поимке беглеца, стремящегося освободиться от зависимости.

В государственном управлении, судопроизводстве, налогообложении принимала активное участие церковь, которая при этом обладала рядом привилегий, связанных с ее приоритетами в области мировоззрения и особыми условиями формирования власти. Княжеские Уставы и Уставные грамоты определяли двусторонность отношений светских и церковных властей. Это касалось в первую очередь сбора и распределения дани, владения землей, людьми, финансами и т. д. Так, в Уставе князя Владимира Святославича Оленинской редакции (конец XII – первая половина XIII в.) указывается место церковной организации (ст. 2, 3), говорится о церковных людях (ст. 6, 10, 11). В Уставе князя Владимира Святославича Синодальной редакции (XIV в.) речь идет о церковных судах, церковных людях (ст. 6, 10, 13, 14, 16, 17). Кроме того, законодатель определяет те стороны жизни, которые относятся именно к компетенции церковного суда. В другом существующем источнике, Уставе князя Ярослава Мудрого (XIV в.), говорится о наказании за нарушение норм церковного права. В этом документе содержатся статьи, регулирующие отношения церковных людей (о блуде, о пьянстве, о крещении), и статья об их подсудности. Перечислены наказуемые поступки, ранее упоминавшиеся в других законодательных актах, и деяния, отнесенные к церковной юрисдикции. В этот документ включены новые составы преступлений, учитывающие национальные особенности Руси. Однако и в этих документах, казачество не упоминается в принципе.

Лишь только Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. (гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государства») стало первым законодательным актом, регулировавшим воинскую службу в Русском государстве, в котором в числе служилых людей «по прибору» мы встречаем городских казаков. Эти казаки относились к полкам нового строя и получали за свою службу «корма» – денежное или натуральное содержание, а также отдельные льготы – право на беспошлинную торговлю в русских городах.

Рассмотрев нормативно-правовые акты того времени, мы можем заключить, что в первых писаных законах Древнерусского государства (до XV в.) казаки не упоминаются. Следовательно, на первом этапе становления русского раннефеодального государства казачество как один из элементов его общества выявить не удастся, так как процесс появления казачества не находит отражения в праве – ни в светской его части, ни в церковной. Это еще раз подтверждает существование до XV в. «протоказачества».

Судя по всему, в формировании «протоказачества» принимали участие самые различные этнические компоненты. Не подлежит уже

сомнению наличие древнего славянского населения «хазарских степей и лесостепей» в X–XI вв. Данники хазар: славяне-земледельцы, а также бродники, занимавшиеся различными промыслами и перевозами, составляли, видимо, весьма значительный процент населения Хазарского Каганата. Военная и экономическая мощь Тмутараканского княжества в XI–XII вв. в значительной степени обеспечивалась славяно-русским населением. Несмотря на все исторические катастрофы (половецкий натиск, монголо-татарское нашествие, господство Золотой Орды), население это, в большинстве своем, никуда не исчезло, но приспособившись к определенным условиям, передавало свою культуру, язык, традиции, кровь последующим поколениям.

После разгрома Хазарского Каганата киевским князем Святославом в 964–965 гг., а затем окончательно половцами в конце XI в. к славяно-русам стали тяготеть близкие им по религии и культуре хазары-христиане. Возможно, уже в XII–XIII вв. они составляли единую этноконфессиональную общность или группу близких общностей. Нет никаких серьезных оснований вычеркивать из числа казачьих предков и «черных клобуков». Они занимали ту же хозяйственно-культурную и профессиональную нишу, что и в более позднее время казаки. То есть несли военную службу по охране границ русского государства от воинственных соседей за земельное и денежное довольствие. Известно, что в XII–XIII вв. черные клобуки подверглись мощному культурному и языковому влиянию со стороны Киевской Руси, были сильно христианизированы, но однако не вполне порвали со своей старой кочевой традицией и, стало быть, не были до конца ассимилированы.

Вполне обоснованным выглядит мнение тех исследователей, которые относят к числу казачьих предков и половцев-кипчаков. Первое, что здесь надо отметить, это то, что половцы вовлекли в орбиту своей деятельности чуть ли не все предшествовавшее им в Причерноморье и донских степях население. Перенимая у кипчаков способы организации и жизнедеятельности, цивилизационные ориентиры, древние насельники восточно-европейских степей естественно сохраняли свой физический облик и, отчасти, язык и культурные особенности. Интересно, что среди западных орд кипчаков преобладали светловолосые европеоиды. За соломенный цвет волос они и получили у русских название «половцы». Второе, что заслуживает внимания. Разгромив и подчинив себе древнее население восточно-европейских степей, половцы сами подверглись мощному культурно-цивилизационному воздействию со стороны покоренных народов. Серьезным было и влияние со стороны соседей-врагов – русских. По свидетельству целого ряда заслуживающих доверия источников,

уже к началу XIII в. половцы были непременными участниками всех крупных военных и политических событий Южной и Восточной Руси. Половецкая знать и простонародье перенимали христианство, обзаводились русскими именами (хан Юрий Котьянович, например), нередко были межнациональные браки, пленение и интеграция в свои ряды большого количества людей с обеих сторон.

Общая картина выглядит таковой. Монголо-татарское нашествие застало половецкий этнос «на распутье». С одной стороны, западно-кипчакские орды в силу целого ряда исторических событий и политических особенностей уже сильно отличались от восточных кипчаков-куманов. Во-вторых, половцы еще не вполне «переварили» внутри себя завоеванные и подчиненные народы. В-третьих, сами подверглись мощной ассимиляции со стороны Руси.

Именно население половецких орд стало основным населением улуса Джучи. Монголы, завоевавшие огромные просторы, растворились среди покоренных, переняв у них язык и культуру и передав им, в конце концов, одно из своих этнических имен – татары. Население Джучиева улуса (Золотой Орды) не было и не могло быть единым. Не были вполне консолидированным этносом и численно преобладавшие в Орде половцы-татары, ставшие этническими предками едва ли не всех народов, сложившихся на территории этого государства. В таких условиях, какая-то часть половцев, видимо, к тому времени сильно славянизированная и христианизированная, вполне могла участвовать в складывании «протоказачьего» этноса.

Вычленение группы «казачьих предков» можно, с известной долей условности, назвать первой стадией казачьего этногенеза.

Вторая стадия, видимо, прослеживается в ордынский период (XIII–XIV вв.), когда в недрах огромного многоэтнического организма начинают формироваться первые «протоказачьи» общины молодых, часто бессемейных удальцов, обживающих самые опасные, пограничные районы государства. В целом в ордынский период наименование «казаки» использовалось как профессиональное и групповое, но этнического характера, скорее всего, еще не носило.

Говорить о каком-либо более раннем этапе собственно казачьего этногенеза сейчас вряд ли обоснованно. Приводимые, в этом отношении, «доказательства» являются либо легендарными, либо наивно-топонимическими. Одним из косвенных свидетельств недалекого этнического прошлого казаков является отсутствие у них родового членения, или этнонимов более мелкого порядка, чем общее имя (как, например, у башкир).

Третья стадия казачьего этногенеза охватывает период XV–XVII вв., когда на историческую арену выходят самостоятельные обще-

ства азовских, донских и гребенских казаков. Здесь также следует отметить целый ряд важных моментов. Во-первых, существование особых казачьих обществ в XV в. уже достаточно хорошо подтверждается большим количеством источников, в том числе и правовых. Во-вторых, необходимо отметить всегдашнюю немногочисленность (или даже малочисленность) этих обществ. В-третьих, их этническая принадлежность или ориентация точно невыяснены. Конфессионально это были, в большинстве своем, православные христиане, прихожане Саро-Подонской епархии. В-четвертых, неоспоримым фактом выглядит «подпитка» казачьих обществ пришлым элементом. Особенно мощным поток новопришлых оказался в XVI в. за счет беглых крестьян, мещан и холопов из Московского государства и Речи Посполитой. В-пятых, немногочисленные и разрозненные казачьи общества сумели выжить и сформироваться в условиях тотальной конфронтации со всеми соседями благодаря особой военной организации и поголовному вооружению, что стало одной из важнейших и ярчайших культурно-хозяйственных и психологических особенностей казаков. Таким образом, казачество на этой стадии выглядит как своеобразная метаэтническая общность в период миксации.

Четвертый этап формирования казачьего этноса связан с образованием особых казачьих войск, используемых российским государством для охраны своих границ, территориальной экспансии и как резерв хорошо подготовленной военной силы. Можно сказать, что дальнейшее формирование казачества происходит теперь в рамках Российского государства и русского этноса. Между населением казачьих войсковых областей и российской верховной властью устанавливаются особые, сначала договорные, а затем все более тесные отношения. Взаимоотношения сторон в рамках этого этапа складываются неоднозначно. Достаточно сказать, что все крупнейшие народные восстания (т. н. крестьянские войны) в России происходили при деятельнейшем участии казаков и под руководством их вождей. Решающим оказался голос казачьих старшин при выборах нового царя.

Планомерная, сознательная политика российской власти (переселения, организация новых войск, регламентация их деятельности, верстание в казаки), а также все более полное вовлечение казаков в строй общерусской жизни (развитие экономических связей, культурный обмен, использование русского литературного языка, государственная служба, совместная военная жизнь и многое другое) привели к значительному стиранию различий между частями русской нации и иссяканию процесса казачьего этногенеза.

Так постепенно сложилось казачество, которое: во-первых, является культурно-исторической общностью, народом; во-вторых, слу-

жилым сословием, формируемым тем или иным правительством для своих целей; и в-третьих, административно-территориальным образованием, экономической общностью всех народов и сословий, проживающих на казачьих землях.

Таким образом, рассмотрев историко-правовые основы зарождения казачества, мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, до сих пор остается неопределенным вопрос о самой сущности термина «казак». Рассмотрев основные версии происхождения слова «казак», мы приходим к выводу, что наиболее убедительной представляется точка зрения о значении слова «казак» как свободный человек, оторванный от прежней социальной среды, и вольный наниматься на военную службу.

Во-вторых, серьезное разнообразие этнических признаков разных групп казаков, более быстрая, чем у соседей изменчивость этих признаков не позволяют сделать однозначного вывода о происхождении казаков из единого корня. Данный анализ позволяет сделать вывод о близости казаков с другими группами русских, которая могла сформироваться либо в результате общего происхождения, либо в результате незавершившейся ассимиляции.

В-третьих, рассмотрев нормативно-правовые акты того времени, мы можем с уверенностью заключить, что в первых писаных законах Древнерусского государства (до XV в.) казаки не упоминаются. Следовательно, на первом этапе становления русского раннефеодального государства, казачество, как один из элементов его общества выявить не удастся, так как процесс появления казачества не находит отражения в праве – ни в светской его части, ни в церковной. Это еще раз подтверждает существование до XV в. так называемого «протоказачества».

В-четвертых, казачество представляло собой вполне самостоятельный этнос, который прошел в своем становлении несколько этапов развития и обрел свои характерные черты.

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1967. С. 247.

² Исакова А. А. Социоллингвистический портрет тюменского казачества // Актуальные проблемы современного казачества Сибири и Тюменского региона: материалы межрегионального круглого стола. Тюмень: ООО «Печатник», 2012. С. 131.

³ Крайсветный М. Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности: тез. регион. науч.-практ. конф., г. Урюпинск, 26–29 апр. 2007 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 57.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Русский язык, 2002. С. 368.

⁵ Степанченко В. И. «Говорим, гутарим, балакаем и применяем!..». Ч. I: словник. СПб.: МЕДИА ГРУПП; ООО ИПК «КОСТА», 2009. С. 84.

⁶ *Крайсветный М.* Указ. соч.

⁷ *Ярков А. П.* Казаки в Кыргызстане. 2-е изд., доп. Бишкек: КРСУ, 2012. С. 36.

⁸ *Байер Г. З.* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оногo под Российскую державу. СПб., 1872. С. 443.

⁹ *Исакова А. А.* К вопросу о происхождении слова «казак» // *Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. В. Н. Евсеева, Г. С. Зайцева.* Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 2012. С. 92.

¹⁰ *Татищев В. Н.* Лексикон Российский исторический, географический и политический. СПб., 1793. Ч. II. С. 166–167; *Ригельман А. И.* История или повествования о донских казаках. М., 1846. С. 52.

¹¹ *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 69; *Савельев Е. П.* Казаки. История / репринт. изд. Владикавказ: СПАС, 1991. С. 24–25; *Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992. С. 29–30.

¹² *Губарев Г.* Казаки и их земля в свете новых данных: Вторая книга о казаках. Буэнос-Айрес, 1974. С. 11, 12.

¹³ См.: *Щербатов М. М.* Сочинения. М., 1898. Т. 2. С. XXVII.

¹⁴ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб, 1842. Т. V, Гл. IV.

¹⁵ *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. М., 1884.

¹⁶ *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 289; а также: *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. С. 14, 15, 17; *Он же.* От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экопрос, 1992. С. 15–18, 331.

¹⁷ См.: *Мининков Н. А.* Альтернативный взгляд советского историка // *Казаки: История.* Владикавказ, 1991. С. 300.